

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.6)”1920”

*Багдасарян С.Д.
Сочинский государственный университет*

**«ДЕНЬ УРОЖАЯ» В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-х гг.:
МОТИВЫ СОЗДАНИЯ И ПОРЯДОК ПРАЗДНОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ, СТАВРОПОЛЬЯ)**

*S. Bagdasarian
Sochi State University*

**“HARVEST DAY” IN THE SOVIET COUNTRYSIDE OF 1920-S.:
MOTIVES OF CREATION AND THE ORDER OF CELEBRATING
(ON THE MATERIALS OF THE DON, KUBAN, STAVROPOL)**

Аннотация. В статье освещается процесс советизации праздничной культуры в российской доколхозной деревне в период нэпа на примере ключевого праздника — «Дня урожая», имевшего культурно-историческую основу и уходившего своими корнями в языческие времена. Отмечены особенности внедряемых советской властью торжественных ритуалов, подчеркнута политизация таких мероприятий, раскрыта степень признания крестьянами революционных праздников, фиксируется участие городских рабочих в деревенских торжествах. Анализируется целенаправленность тактики большевиков по вовлечению крестьян в орбиту советской власти путем проведения выставок, ярмарок, конкурсов. Однако, по мнению автора, консерватизм деревни существенно затруднял советизацию крестьянских праздников в 1920-х гг.

Ключевые слова: большевики, деревня, крестьянство, культура, праздник, советизация, советская власть.

Abstract. The article highlights the process of Sovietization of festive culture in a Russian village in the times of pre-kolkhoz villages, when the New Economic Policy (NEP) was being implemented. The author used as an example the most important holiday — “The Harvest Day”, which had a profound cultural and historical background and stemmed from pagan times traditions. The article describes the peculiarities of the ceremonial rituals introduced by the Soviet power and emphasizes the politicization of such festive events. The author discloses the revolutionary peasants’ degree of recognition of the holidays and states that urban workers took part of such holidays in villages. The article analyses the purposefulness of Bolshevik’s tactics to involve peasants into the Soviet orbit by organizing exhibitions, fairs and contests. However, the author considers the villagers’ conservative to impede the process of Sovietization of peasant festivals in 1920-s.

Key words: the Bolsheviks, the village, the peasants, culture, holiday, Sovietization, Soviet power.

Одержав победу в Гражданской войне, большевики приступили к проведению широкомасштабных, последовательных и радикальных преобразований, идейно-теоретическим базисом которых выступал марксизм, а конечной целью мыслилось формирование бесклассового

© Багдасарян С.Д., 2013.

и справедливого коммунистического общества. Коренному переустройству были подвержены не только экономика и социальные отношения в РСФСР (СССР), но также быт, культура и менталитет населения. Помимо прочего, идеологи компартии инициировали советизацию праздничной культуры, что выразилось в постепенной замене характерных для дооктябрьской России церковных праздников гражданскими, призванными напоминать населению о славных вехах мирового коммунистического движения и становления советской власти.

Вместе с тем, учитывая традиционализм населения (в особенности сельского), большевики иной раз готовы были использовать досоветские празднества, наполняя их идеологически и тематически новым содержанием. Чаще всего полем для подобного рода компромиссов становилась советская доколхозная деревня, консерватизм которой существенно затруднял советизацию крестьянских праздников. Об одном из таких советских празднеств в деревне, — «Дне урожая», — и пойдет речь в настоящей публикации, основанной на материалах Дона, Кубани и Ставрополя как традиционно аграрных, крестьянских регионов России.

Уже 2 декабря 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил «Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях», согласно которым праздничными днями признавались: 1 января (Новый год), 22 января (годовщина 9 января 1905 г., печально известного в отечественной истории как «Кровавое воскресенье»), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (День Парижской коммуны), 1 мая (День Интернационала), 7 ноября (день Пролетарской революции) [4, с. 123]. Впоследствии к отмеченным революционным праздникам были добавлены еще несколько новых. Так, в «Календаре коммуниста» на 1928 г. среди праздничных, нерабочих дней были указаны, помимо вышеперечисленных, еще день памяти В.И. Ленина (но он приходился на 22 января, то есть совпадал с годовщиной «Кровавого воскресенья») и день СССР, отмечавшийся 1 июля [8, с. 16].

Однако по ряду причин советские праздники приживались в доколхозной деревне с большим трудом. Важнейшими из этих причин следует считать относительную слабость позиций компартии на селе и недостаточно плотный властный контроль над умонастроениями земледельцев в 1920-х гг., что являлось прямым следствием Гражданской войны, в ходе которой российское крестьянство продемонстрировало и «белым», и «красным» свою мощь и заставило большевиков считаться с собой. В эпоху нэпа правившая в СССР партия еще не имела возможности в приказном порядке заменить традиционные сельские празднества новыми, коммунистическими, а большинство крестьян не горело желанием изменять традиции. Поэтому темпы советизации праздничной культуры в доколхозной деревне были заметно скромнее, чем в городе, где концентрировались представители социальной базы большевистского режима, — промышленные рабочие.

Кроме того, упрочению позиций советских праздников в послеоктябрьской деревне самым серьезным образом препятствовала их значительная несхожесть с традиционными торжественными ритуалами, привычными для крестьян. Праздники досоветской деревни базировались на церковном календаре и содержали мощнейший пласт религиозных компонентов; они выступали средством поддержания социальных связей и укрепления единства каждого конкретного сельского «мира», вследствие чего носили локальный характер. Степень политизации торжественного действия в досоветской деревне была практически нулевой, его содержание не откликалось на события внутри страны или, тем более, за ее пределами.

Напротив, внедряемые советской властью праздники отличались ярко выраженной антирелигиозной направленностью, носили отнюдь не локальный, но интернациональный характер и выполняли функции социально-политической мобилизации «своих» (то есть, сельской бедноты, коммунистов, комсомольцев) против «чужих» («кулаков» и зажиточных крестьян). Советским торжественным

ритуалам 1920-х — 1930-х гг. была присуща чрезмерная политизация и «непраздничность», когда веселье, которого крестьяне ждали от того или иного торжества, подменялось и вытеснялось бесконечными митингами, демонстрациями, заседаниями и пр.

Неудивительно, что советские торжества зачастую навевали на сельских жителей уныние и первоначально не пользовались у них высокой популярностью. Великолепное по своей неумышленной выразительности описание крестьянского разочарования советским праздником содержится в одном из номеров журнала «Крестьянка» за 1923 г.: «ходили по площади, пели революционные песни, потом [был] митинг. Говорили приветственные речи. На повестке дня стояло международное положение и о внутренней политике советов. Граждане слушали со вниманием. Когда митинг объявили закрытым, народ все стоял и не уходил, как бы ожидая еще чего-то» [12, с.11].

В итоге даже к исходу 1920-х гг. партийно-советские работники говорили о степени признания крестьянами революционных праздников со сдержанным оптимизмом. Так, в вышедшем осенью 1927 г. номере журнала «Новая деревня» признавалось, что «большинство крестьян еще по привычке празднует многие церковные праздники» (хотя далее с энтузиазмом указывалось: «с каждым годом все большее и большее значение в деревне приобретают новые революционные праздники») [5, с.1].

Вместе с тем в эпоху нэпа существовали гораздо более популярные на селе торжества, которые не были напрямую связаны с традиционной праздничной культурой досоветской деревни, разрабатывались и пропагандировались большевиками, но вместе с тем отличались меньшей политизацией, чем официальные советские праздники. Безусловным лидером среди таких торжественных мероприятий с аграрным уклоном в 1920-х гг. был «День урожая».

Надо подчеркнуть, что праздник урожая не являлся оригинальным изобретением большевистских политтехнологов. Подобные

торжества существовали у самых разных народов мира уже в глубокой древности и проводились обычно в конце лета или осенью, по завершении основного цикла сельскохозяйственных работ. Языческие празднества по случаю успешного завершения полевых работ практиковались и восточными славянами; причем важность этих ритуалов в жизни населения такой аграрной страны, как Россия, была настолько велика, что они сохранились и после принятия христианства, хотя уже под эгидой православной церкви. В частности, в досоветской российской деревне широкой известностью пользовались Дожинки и Осенины. Дожинки совпадали с церковным праздником Успения Богородицы (15 августа по юлианскому календарю и 28 августа — по григорианскому) и представляли собой совокупность ритуалов («дожиночный сноп», «завивание бороды»), чей магический смысл заключался в сохранении плодородия земли и обеспечении хорошего урожая на будущий год. Осенины, праздновавшиеся одновременно с Рождеством Богородицы 8 (21) сентября, представляли собой своего рода выражение крестьянской благодарности Матери Сырой-Земле, персонифицированной в образе Девы Марии, за хороший урожай и, значит, за спокойную и сытую жизнь в предстоящие осень и зиму.

Поскольку крестьянские торжественные ритуалы благодарения природы за ее щедрые дары имели чрезвычайно глубокие корни, уходящие в таинственный мрак языческих времен, большевистские пропагандисты просто не имели возможности создать праздник «Дня урожая» с чистого листа. Советский «День урожая» не являлся полностью чуждым крестьянской традиции уже хотя бы потому, что ему, как и досоветским аграрным ритуалам, был присущ дух спокойствия, умиротворенности и радостного восхищения богатыми дарами Матери-Земли. В помещенной в октябрьском (1926 г.) номере журнала «Новая деревня» статье отмечалось, что в нынешнем году праздник урожая «особенно радостен. Почти повсюду полны хлебом закрома, почти везде заготовлено необходимое количество

кормов для скота, можно спокойно встретить зиму и ждать весны — начала нового трудового года» [1, с. 1]. Эти слова превосходно отражали как исторически неизменные черты крестьянской ментальности, так и духовное родство «Дня урожая» и предшествовавших ему аналогов.

Вместе с тем было бы большой ошибкой объявлять «День урожая» копией с существовавших в дореволюционной России сельских праздников. Имея отчетливо выраженную преемственность с древними сельскими ритуалами, «День урожая» одновременно являл собой продукт советской эпохи и нес в себе, пусть и в несколько ослабленной форме, все родовые черты такого феномена, как революционный (точнее, большевистский) праздник.

Отправной точкой существования «Дня урожая» стал 1923 г. (как поэтически заметил автор статьи, опубликованной в журнале «Новая деревня» в октябре 1926 г., «четвертый год мы празднуем наш осенний праздник» [1, с. 1]). Праздник возник по почину комсомола и, при всей своей связи с традиционными крестьянскими осенними ритуалами, изначально нес сильнейший антирелигиозный заряд. Дело в том, что точной даты празднования «Дня урожая» не существовало, но чаще всего в качестве таковой указывалось 14 октября. Этот выбор был не случаен, поскольку на 14 октября приходился широко отмечавшийся в российской деревне праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в рамках которого проводились и языческие по своей сути народные торжества в связи с окончанием полевых работ.

Таким образом, отчасти (но лишь отчасти) «День урожая» являлся наследником традиционных крестьянских аграрных ритуалов, что должно было облегчить его утверждение и распространение в советской доколхозной деревне. Важнейшей же задачей «Дня урожая» уже с момента его возникновения было неуклонное вытеснение церковного праздника Покрова из праздничной культуры российского крестьянства. По этому поводу в советской прессе недвусмысленно указывалось, что новый праздник урожая в доколхозной

деревне «явился на смену старому празднику покровы» [6, с.1]. Как видим, «День урожая» с самого начала задумывался как одно из существенных мероприятий антирелигиозной программы большевиков.

Помимо антирелигиозной направленности, «День урожая» преследовал и выполнение политических задач, общих для коммунистических торжественных ритуалов. Праздник должен был содействовать «смычке» пролетариата и крестьянства, для чего в его рамках в деревню прибывали шефы и велась соответствующая агитация. Агитаторы и пропагандисты доказывали крестьянам, что «праздник урожая не только деревенский праздник — это и праздник города. Разве без помощи машин, которые город дает деревне, можно вести культурное хозяйство, разве агрономическую науку, без которой ни шагу нельзя сделать в улучшении хозяйства, не город дает деревне? Вот почему праздник урожая — праздник смычки города и деревни и рабочие шефские общества должны принять в нем самое горячее участие» [1, с. 1].

Политическая пропаганда и агитация в поддержку советской власти сопровождали празднование «Дня урожая» от начала до конца. Использовались все возможности для повышения эффективности пропагандистских мер. Например, в 1927 г. было решено совместить проведение «Дня урожая» с «празднованием десятилетия Октябрьской революции» [5, с. 2], хотя для этого торжества по случаю успешного окончания полевых работ пришлось бы перенести чуть ли не на месяц, — с 14 октября на 7 ноября. В конечном счете большевики ожидали от «Дня урожая», что он станет одной из мер, которая позволит «еще более сплотить крестьянство вокруг коммунистической партии и советской власти» [7, с. 2].

Все же, при неизбежной политизации, «День урожая» был намного ближе крестьянам, чем подавляющее большинство других советских праздников. Причиной тому была изначальная ориентация этого торжества именно на интересы и предпочтения российских земледельцев. Данное обстоятельство проявлялось уже на стадии подготовки праз-

дника. Согласно инструкциям, в состав комиссий, занимавшихся подготовкой празднования «Дня урожая», должны были входить агроном, представители волостного исполнительного комитета, районного земельного управления, комсомольской организации, «кооперации и прочих организаций, ведущих работу в деревне», а также и «передовые крестьяне» [6, с. 1].

«День урожая», как и любой другой праздник в деревне в рассматриваемый период времени, никак не мог обойтись без различных митингов и конференций. Однако такого рода мероприятия играли в этом празднике довольно скромную роль по сравнению с другими способами хорошо провести время, которые были намного интереснее крестьянам. Поскольку во время празднования Покрова, по традиции, проводились ярмарки, представители власти требовали приурочивать их ко «Дню урожая», чтобы повысить его популярность среди сельского населения [13, с. 2]. Во время праздника устраивались разного рода конкурсы (например, на лучшие продукты полеводства, огородничества, на лучших лошадей, быков и т. д.), организовывались агитсуды, то есть театрализованные действия по осуждению устаревших способов ведения сельского хозяйства и обоснованию эффективности новых, рациональных приемов земледелия и животноводства [2, с. 1].

Центральным же мероприятием «Дня урожая» являлась сельскохозяйственная выставка, на которой были представлены «сельско-хозяйственные достижения передовых крестьян данной округи» и устраивались конкурсы «на лучшую корову, лошадь, свинью, лучшее ведение хозяйства и прочее» [6, с. 2]. Участниками выставок и конкурсов могли быть не только отдельные земледельцы, но и целые крестьянские общества, а также коллективные хозяйства. Победители получали от волостной выставочной комиссии премии (обычно это были либо определенные суммы денег, либо семена элитных сортов пшеницы и других культурных растений, либо чистопородный молодняк) и похвальные листы [2, с. 1].

Выставки привлекали пристальное внимание крестьян, которые глаз не могли оторвать от образцов сельхозпродукции, полученной путем применения современных методов аграрного производства и заметно превосходившей результаты господствовавших в доколхозной деревне примитивных приемов хозяйствования. Полное одобрение выставки получали и со стороны партийно-советских работников, которые справедливо полагали, что «главная задача» праздника урожая заключается в том, чтобы «вовлечь широкие массы крестьянства в дело общего подъема сельского хозяйства, научить незнающих, подтолкнуть отстающих» [1, с. 1]. Сельскохозяйственные выставки служили реализации этой задачи, пропагандируя в массе сельского населения достижения наиболее успешных колхозов и крестьян-передовиков.

Кроме того, устраивавшиеся в «День урожая» аграрные выставки должны были укреплять в сознании крестьянства непрекаемый тезис об успехах хозяйственного строительства в СССР, являвшихся результатом мудрого руководства коммунистической партии. Дабы усилить пропагандистский эффект выставок, в 1927 г., в связи с десятилетием Октября, было решено устроить своего рода сельскохозяйственные отчеты за весь период существования советской власти: «если на прежних выставках подсчитывались хозяйственные и культурные достижения деревни за один истекший год, то теперь выставка должна осветить весь пройденный десятилетний путь» [5, с. 2].

Поскольку аграрные выставки вызывали одобрение не только крестьян, но и представителей власти, их численность стабильно росла с каждым годом. Так, в целом по всему Советскому Союзу, в 1924 г. в «День урожая» было устроено 750 таких выставок, в 1925 г. — более 1 тыс., в 1926 г. — уже около 2 тыс. [5, с. 2]. Собственно, эта динамика свидетельствовала и об укреплении в деревне самого «Дня урожая», непременной частью которого являлись выставки достижений сельского хозяйства.

«Дни урожая» в 1920-х гг. отмечались и земледельцами Дона, Кубани, Ставрополя.

Осенью 1924 г., несмотря на тяжелые последствия прокатившейся по Югу России засухи, представители партийных структур Дона планировали «провести в благополучных районах — мелко-районные выставки урожая» [9, с. 46].

Жители Родионово-Несветаевской слободы (ныне центр одноименного района Ростовской области) так отчитывались о проведении праздника урожая в 1924 г.: «В ночь на 14-е октября была проведена беседа о праздновании дня «Урожая» и культурной работе в деревне, связанная с вопросом кооперации и поднятием сельского хозяйства. В избе-читальне была крестьянская молодежь, слушали внимательно и заявили, чтобы таких бесед было побольше». Той же ночью в избе-читальне началось устройство выставки достижений местных хлеборобов, для чего передовые крестьяне предоставили плоды своих трудов. К утру все приготовления удалось закончить; изба-читальня «была украшена картограммами по сельскому хозяйству (62 картограммы), [здесь же располагались] выставки из книг по сельскому хозяйству до 70 экземпляров, выставка урожая экспонатами до 40 штук» [10, с.1].

Чтобы привлечь крестьян к участию в новом для них празднике, представители местной администрации совместно с агрономом и работником избы-читальни утром выпустили специальный бюллетень, информировавший население о содержании «Дня урожая». Трудно сказать, насколько этот бюллетень оказался полезным, учитывая, что он был выпущен только утром 14 октября и вряд ли получил широкое распространение. Однако, жители Родионово-Несветаевской слободы были заранее извещены о проведении праздника, поэтому первые посетители пришли в избы-читальню уже с утра, а к середине дня туда набилось до 200 крестьян, которые при содействии учителя и агронома знакомились с выставкой.

«К вечеру», — с удовлетворением отмечали организаторы праздника, — «изба-читальня была переполнена и пришлось перенести работу в Нардом, где было открыто торжес-

твенное заседание, на котором выступали представители: Партячейки, агроном, одна женщина-батрачка и крестьянин 70-летний старик. После окончания крестьянами был пропет Интернационал». По завершении официальной части начались развлечения: «поставлена была агитпьеса», прошел концерт с участием хора, революционная декламация, народные русские и украинские песни. В концерт втянуты были крестьянские силы, также участвовали и дети» [10, с.1].

Новый импульс празднование «Дня урожая» получило в донских, кубанских и ставропольских селах и станицах с 1925 г., в связи с проводившейся в данное время политикой «лицом к деревне». Можно сказать, что в этом году настроение у земледельцев Юга России, отмечавших «День урожая», было особенно праздничным: ведь правительство во всеуслышание заявляло о необходимости внимательного и уважительного отношения к крестьянству.

В 1925 г. жители станицы Ольгинской (Черкасский округ Северо-Кавказского края) в «День урожая» устроили обширную сельскохозяйственную выставку, выделив продукты полеводства, огородничества и животноводства в разные отделы экспозиции. В тот же день «был заслушан хлеборобами отчет о работах участкового агронома, о достижениях в области сельского хозяйства и результатах прошедшего с.-х. (сельскохозяйственного — *авт.*) года». Вечером был устроен бесплатный спектакль [3, с. 2]. Сходный сценарий «Дня урожая» реализуется в том же году и в станице Бессергеновской (ныне располагается в границах Октябрьского района Ростовской области). Только, в отличие от Ольгинской, здесь организаторы праздника уделили более пристальное внимание официальной части, так как вечером «открылось торжественное заседание сельсовета, ячейки партии и комсомола, КОВА (крестьянский комитет общественной взаимопомощи — *авт.*) и присутствующих граждан» [11, с.1].

В целом надо сказать, что «День урожая» заметно выделялся на фоне политизированных праздничных мероприятий в РСФСР

(СССР). Будучи менее официозным и более непринужденным, «День урожая», как единодушно отмечали современники, проходил «с большим оживлением» [10, с.1], имел характер «большого народного торжества» [6, с. 1] и «стал любимым крестьянским праздником» [5, с. 1]. Однако в том виде, в каком он существовал в эпоху нэпа, «День урожая» исчез вместе с этой эпохой, будучи существенно преобразован колхозным строительством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. А.П. Праздник урожая // Новая деревня. — 1926. — № 19. — С. 1-12.
2. В октябре — День урожая // Молодой ленинец. — 1925. — 22 сентября.
3. В.К. День урожая // Молот. — 1925. — 11 ноября.
4. Декреты Советской власти. Т. 4. — М., 1968. — 264 с.
5. И.Г. День урожая // Новая деревня. — 1927. — № 20. — С. 1-8.
6. И.П. На смену покрова — праздник урожая // Молодой ленинец. — 1925. — 19 сентября.
7. К приближающемуся празднику урожая // Молодой ленинец. — 1925. — 29 сентября.
8. Календарь коммуниста на 1928 год. — 102 с.
9. Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. — Ростов н/Д., 1924. — 248 с.
10. Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветовской слободе // Новочеркасский молоток. — 1924. — 24 октября.
11. Селькор Вольный Ф. Праздник у нас // Молот. — 1925. — 4 ноября.
12. Ситникова М. Как у нас прошел праздник урожая // Крестьянка. — 1923. — № 22. — С. 11-14.
13. Чернышев. «Праздник урожая» в настоящем году // Молодой ленинец. — 1925. — 29 сентября.